

— Как раз прибыла партия ювелирных изделий, которые господин купил в стране М. Среди них оказался голубой бриллиант, который очень понравился госпоже. Она с самого утра потащила его смотреть, — тихо хихикнула нянюшка Цинь. — Сколько лет прошло, а госпожа всё ещё как ребенок.

«Это всё потому, что отец её избаловал», — подумал Гу Янь, но затем, подумав ещё раз, решил, что баловать жену — это одно из величайших удовольствий в жизни.

К десяти часам Гу Янь собрался подняться, чтобы разбудить Линь Су, как вдруг нянюшка Цинь вбежала в комнату с тревожным выражением лица.

— Молодой господин, дедушка пришёл. Она сделала паузу. — И он привёл с собой ту семью.

«Ту семью» — имелся в виду, конечно же, Гу Хаомин и его семья.

Гу Янь задумался на мгновение.

— Пускай заходят.

— Молодой господин?

— Пускай заходят, — твёрдо произнёс Гу Янь. — Если мы их не пустим, они подумают, что мы их боимся. Просто проведите их в гостиную и налейте воды. Он махнул рукой. — Только не ставьте слишком дорогой чай.

Гу Янь не стал сообщать Линь Су о приходе Гу Цинтяня. Вместо этого он позвонил по внутреннему телефону нянюшке Цинь, чтобы она принесла завтрак наверх, и напомнил Линь Су, чтобы тот после еды занялся домашним заданием. Они слишком много времени провели в развлечениях, а учителя, готовящиеся к выпускному году, уже начали давать задания в полную силу. После праздников начнётся учёба, и стопки заданий уже ждут своего часа.

— Хорошо, — Линь Су ел яичный пудинг и улыбался.

— У тебя большие амбиции, — Гу Цинтянь, опираясь на трость, сидел на диване. Увидев, как Гу Янь спускается, он фыркнул. Остальные члены его семьи стояли с разными выражениями лиц, но все они были далеко не дружелюбными.

Гу Янь спокойно сел напротив Гу Цинтяня.

— Говори, в чём дело?

— Это мой дом! Я пришёл проведать семью на Новый год, разве это неправильно?! — Гу Цинтянь стучал тростью по полу, создавая громкий стук.

Гу Янь откинулся на спинку дивана, улыбаясь, и подумал, что, пожалуй, не стоит спорить с человеком, который уже на пороге смерти. Зачем портить себе праздник из-за того, что у него может случиться сердечный приступ?

— Гу Янь, твой дедушка просто соскучился по дому, — Лю Мэйцзя налила Гу Цинтяню воды, её голос был мягким, и она явно старалась сохранить видимость вежливости.

— Ладно, — Гу Янь притворился, что собирается встать. — Делайте, что хотите.

— Погоди! — Гу Цинтянь, понимая, что сейчас ему нужно идти на уступки, не стал настаивать.

Он нахмурился и тихо произнёс:

— Проект развития пристани в южной части города. Добавь имя твоего брата, и я дам тебе шесть миллионов.

— Моего брата? — Гу Янь удивился. — Гу Сяожань? Он не любит заниматься бизнесом.

— Я говорю о Гу Лане! — Гу Цинтянь глубоко вздохнул, стараясь сдержать гнев. — Этот проект находится под твоим контролем, добавить имя не составит труда, верно?

— Не составит, и шесть миллионов — достойная сумма, — глаза Гу Яня стали холодными. — Но мне просто интересно, почему ты считаешь, что можешь так легко это сказать? И почему ты думаешь, что я соглашусь?

Гу Цинтянь покраснел от гнева.

— Гу Янь, как ты и твой отец относитесь к семье твоего дяди? Твоему дяде потребовалось три месяца, чтобы оправиться! Вы совсем не цените родственные узы?!

После этих слов лицо Гу Яня окончательно окаменело.

«Три месяца?» — тихо повторил Гу Янь, глядя на Гу Хаомина. — Ты всё ещё жив, как таракан, крепкий.

За три месяца он смог снова прийти в себя и прятаться за спиной старика, выпрашивая то одно, то другое. А Линь Су? Его Линь Су, который получал лучшие лекарства и лежал в лучшей палате, за которым каждый день ухаживал Гу Сяожань, едва удалось вытащить с того света. Почему? Гу Янь прикусил щеку, едва сдерживая ярость.

Гу Цинтянь уже собирался снова заговорить, но Гу Янь холодно прервал его.

— Гу Лан сам виноват, что оказался некомпетентным. Почему я должен за это платить? А про родственные узы? Как вы вообще можете такое говорить? Когда вы посылали людей преследовать мою мать и Линь Су на шоссе, пытаясь их убить, вы тогда думали о родственных узах? Гу Цинтянь, ты действительно думаешь, что у меня нет доказательств? Если бы не общая кровь, за всё это я бы отправил вашу семью за решётку навсегда! Гу Янь усмехнулся. — Вы, кажется, слишком расслабились и забыли, какое наказание полагается за покушение на убийство.

Лицо Гу Цинтяня постепенно потеряло выражение. Лю Мэйцзя, увидев, что ситуация накаляется, поспешила вмешаться.

— Гу Янь, мы не это имели в виду.

— В семье Гу любовницам не место говорить, — Гу Янь нетерпеливо прервал её. — Дам тебе совет: пока старик ещё жив, постарайся урвать всё, что сможешь. Потому что, когда он умрёт, ты не получишь ни копейки из состояния семьи Гу.

— Как ты смеешь!!! — Гу Цинтянь вскочил, его глаза вылезли из орбит.

— А что мне мешает? — Гу Янь усмехнулся. — Если я захочу, я могу взять управление семьёй Гу в любой момент. Ты до сих пор не понял, кто здесь хозяин.

Гу Цинтянь тяжело дышал, казалось, он вот-вот потеряет сознание, но он знал, что Гу Янь

говорит правду. С тех пор, как Гу Хаошэн отстранил его от дел, семья Гу больше не была под его контролем.

— Что происходит? Так рано утром, — Гу Хаошэн и Цинь Мяо вошли в дом.

Цинь Мяо не ожидала увидеть гостей. На её шее висело ожерелье с голубым бриллиантом, а на всех десяти пальцах были кольца, которые она надела ради забавы. Она шутила с Гу Хаошэном, но, увидев, кто сидит в гостиной, её улыбка тут же исчезла.

Женщины любят украшения, и Лю Мэйцзя сразу заметила ожерелье на Цинь Мяо. Его стоимость была не менее 30 000 000! Она почувствовала острую зависть, и её глаза наполнились слезами. Ранее, чтобы помочь Гу Хаомину и Гу Лану, она продала все свои украшения, и теперь у неё осталось лишь несколько вещей для поддержания внешнего вида. Как же Цинь Мяо так повезло?

Цинь Мяо вернулась в комнату, сняла все украшения и, выйдя, встала за спиной мужа и сына, показывая, что семья держится вместе.

— Честно говоря, я не буду добавлять никого в проект, — Гу Хаошэн отхлебнул чая. — Я прекрасно знаю, на что способен Гу Лан. Если его включить, это будет как кормить древоточцев хорошим деревом. Отец, сколько лет прошло, а ты всё ещё не понял? Я смог сделать корпорацию Гу такой успешной именно потому, что никогда не держу бесполезных людей.

Гу Лан покраснел от стыда, но не посмел возразить Гу Хаошэну.

Гу Хаомин начал:

— Я...

— Ты даже хуже, чем бесполезный человек, — спокойно сказал Гу Хаошэн.

— Я не хочу ссориться в Новый год. Если вы хотите поесть, я вас накормлю, если нет — как хотите, — тон Гу Хаошэна был спокойным, но Цинь Мяо знала, что её муж едва сдерживает гнев. Гу Цинтянь и Гу Хаомин с их семьями достигли такого уровня наглости, что это было беспрецедентно.

Гу Цинтянь, сдерживая злость, остался на обед.

В двенадцать часов Линь Су закончил домашнее задание и вышел из комнаты. Увидев гостей в гостиной, он сжал кулаки.

Гу Янь подошёл к нему, разжал кулаки и тихо сказал:

— Всё в порядке, они просто поедят и уйдут.

***

Канун Нового года

Гу Цинтянь не смог ничего сделать с Гу Хаошэном и его сыном, а Гу Хаомин и Гу Лан выглядели как подмороженные баклажаны. Их положение и без того было незавидным. Они думали, заручившись поддержкой старика, смогут подняться на вершину, но везде оказывались на шаг позади Гу Хаошэна. На этот раз они вернулись в Юньчэн с деньгами,

планируя развернуться, но теперь их снова оставили ни с чем.

— Это мраморное мясо из Кобе? — Лю Мэйцзя положила кусочек на маленький гриль рядом с ней, бросив взгляд на Линь Су и мысленно назвав его деревящиной. — Оно нарезано так тонко, что достаточно двух минут на гриле. Если передержать, оно потеряет свою сочность.

Как только она закончила говорить, Цинь Мяо и Гу Янь поджарили по кусочку до полной готовности, положили их на листья салата и отдали Линь Су.

Лю Мэйцзя:

— ...

Гу Янь холодно усмехнулся. Всё, что касалось Линь Су, должно было соответствовать его стандартам. Сколько времени он потратил, чтобы привести желудок ребёнка в порядок? Всё холодное и сырое было под запретом, даже летом он считал, сколько мороженого можно съесть. Где Лю Мэйцзя, этой дикарке, понять такие тонкости?

— Кстати, — тихо добавил Гу Янь, — это кольцо на твоей руке — модель десятилетней давности, да? Сколько уже прошло с тех пор, как её сменили новые?

Цинь Мяо сдержала смешок и пнула Гу Яня под столом, улыбаясь:

— О, но ведь украшения тем ценнее, чем они старше.

Гу Хаошэн улыбнулся, подумав, что его жена просто очаровательна, но лучше бы она промолчала.

Лю Мэйцзя, конечно, покраснела от злости.

Обед не успел закончиться, как Гу Цинтянь с семьёй, подавленные, покинули дом. Цинь Мяо вежливо встала, чтобы нянюшка Цинь проводила их, а остальные три мужчины остались сидеть.

— Старик сейчас в ярости, будьте осторожны, — тихо сказал Гу Хаошэн.

Гу Янь кивнул.

— Я знаю.

Линь Су, только сейчас поняв, спросил:

— Брат Янь, эта женщина только что издевалась надо мной?

— Нет, — Гу Янь солгал. — У нас в семье так принято. Она просто завидует. Ты же видел, на ней почти нет украшений, даже в сравнении с мамиными они — ничто.

Цинь Мяо вздохнула:

— Ну ты даёшь.